

The culture of limiting communicative violence in proxy wars

L. N. Timofeeva¹

¹RANEPА, 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-382-389

Research article
Full text in Russian

The concept of culture is always associated with restrictions in behavior, communication, actions of people dictated by traditions or certain conditions of life and activity. There is a concept of «culture of peace» introduced by UNESCO in the early 2000s, although it has been formed for centuries in parallel with the concept of «culture of war», which required certain restrictions in the mutual violence of the parties. Until recently, a country was considered strong if it had a large and well-armed army with nuclear weapons, but today, in the era of global information, it comes to the fore. Moreover, it needs to be controlled if it contributes to an increase in violence. In the conditions of information warfare, a firm (military) force for coercion and retaliation is combined with soft power in the form of persuasion and coercion (various methods of communicative influence). The main thing is the creation of a plausible pretext in the mass media, the formulation of a noble goal for a military invasion. One of the types of modern interstate wars is a proxy war, a military conflict in which a third party indirectly participates in its own interests, supporting one of the two actors of the conflict with military, organizational, resource, political, information and communication support. In this regard, the issue of creating high-quality, objective journalism, as well as the protection of journalists working in the war zone, truthfully covering military or other events, becomes important.

Keywords: political communication; proxy war; culture of war; restriction of violence; mass media; information warfare

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Timofeeva, Lidiya N. | E-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru
Doc. Sc. (Politics), Professor

For citation: Timofeeva L. N. The culture of limiting communicative violence in proxy wars // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 382-389. (in Russ.)

Культура ограничения коммуникативного насилия в прокси-войнах

Л. Н. Тимофеева¹

¹РАНХиГС, проспект Вернадского, 82, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-382-389
УДК 327.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Понятие культуры всегда связано с ограничениями в поведении, коммуникациях, действиях людей, продиктованными традициями или определенными условиями жизни и деятельности. Есть понятие «культура мира», привнесенное ЮНЕСКО в начале 2000-х годов, правда, оно формировалось веками параллельно с понятием «культура войны», требовавшим определенных ограничений в совершаемом обоюдно насилии сторон. До недавнего времени страна считалась сильной, если у нее большое и хорошо вооруженное войско с ядерным оружием, но сегодня, в эпоху глобальной информации, именно она выходит на первый план. Более того, она нуждается в контроле, если способствует увеличению насилия. В условиях информационной войны твердая (военная) сила для понуждения и возмездия сочетается с мягкой силой в виде убеждения и принуждения (различных приемов коммуникативного воздействия). Главное – создание в масс-медиа благовидного предлога, формулирование благородной цели для военного вторжения. Один из видов современных межгосударственных войн – прокси-война, военный конфликт, в котором в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической, информационно-коммуникационной поддержкой. В связи с этим важным становится вопрос о создании качественной, объективной журналистики, а также защиты журналистов, работающих в зоне военных действий, правдиво освещающих военные или иные события.

Ключевые слова: политическая коммуникация; прокси-война; культура войны; ограничение насилия; масс-медиа; информационная война

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеева, Лидия Николаевна

E-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, председатель правления РАПН, руководитель ИК-16 по политической коммуникативистике РАПН

Для цитирования: Тимофеева Л. Н. Культура ограничения коммуникативного насилия в прокси-войнах // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 382-389.

Понятие культуры всегда связано с ограничениями в поведении, коммуникациях, действиях людей, продиктованными традициями или определенными условиями жизни и деятельности. Есть понятие «культура мира», привнесенное ЮНЕСКО в начале 2000-х годов, правда, оно формировалось веками параллельно с понятием

© Тимофеева Л. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

«культура войны», требовавшим определенных ограничений в совершаемом обоюдном насилии сторон. До недавнего времени страна считалась сильной, если у нее большое войско, много танков и есть ядерное оружие, но сегодня, в эпоху глобальной информации, именно она выходит на первый план. И она нуждается в контроле, если способствует увеличению насилия. Правда, есть и другая точка зрения: коммуникация на войне должна служить только победе твоей страны. Но как же тогда быть с требованием объективности освещения событий, а значит, ограничения односторонней пропагандистской направленности информации и снижения понуждения к насильственным действиям?

Дж. Най (младший) ввел понятие «умной силы» – сочетание твердой (военной) силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и принуждения (различных приемов коммуникативного воздействия) [1]. Главное – создать в масс-медиа благовидный предлог, сформулировать благородную цель для военного вторжения. США и НАТО успешно используют ее, участвуя в качестве третьей силы в современных прокси-войнах. К примеру, военную интервенцию в Югославию в 1999 году они совершили, распространив информацию в СМИ о том, что югославские силовики устроили этническую чистку и массовую расправу над гражданским населением Косово. Однако расследование группы белорусских, сербских и финских экспертов показало, что это ложь. Это подтвердил, и британский генерал Джон Древенкийевич, рассказав, что 15 января в косовском селе Рачак был бой между албанскими боевиками и сербскими подразделениями.

Затем в 2003–2005 гг. было вторжение в Ирак и казнь Саддама Хусейна под благовидным предлогом борьбы с массовым химическим оружием и установления демократии (мира в стране нет до сих пор). Тогда США не смогли взять под свой полный контроль освещение событий в Ираке: катарский телеканал «Аль-Джазира» собирал достоверную информацию, несмотря на влияния и ограничения, которые вводили вооруженные силы США [2] И хотя американские военные обвиняли «Аль-Джазиру» в тенденциозности, есть все основания утверждать, что эта телекомпания освещала события более объективно, чем американские СМИ.

Прокси-война – один из видов современных межгосударственных войн. Суть их заключается в том, что это военный конфликт, в котором в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической, информационно-коммуникационной поддержкой. Примерами таких войн могут служить войны во Вьетнаме, Анголе, Сирии и др. Сегодняшний пример – участие стран НАТО под руководством США на стороне Украины в специальной военной операции, которую проводит Россия, защищая русскоговорящие регионы Украины, испытывающие с 2014 г. военное насилие и пожелавшие выйти из ее состава и воссоединиться с РФ.

Какие же средства используются в такой войне? В работе М. Либики «Что такое информационная война?», опубликованной Национальным Институтом Обороны США в 1995 году [3], автор привел семь форм информационной войны: командно-контрольная война; война, основанная на разведке; радиоэлектронная борьба; психологические операции; хакерские атаки на информационные системы на основе программного обеспечения; информационная экономическая война через контроль над торговлей информацией; кибервойна (боевые действия в виртуальной реальности) [4]. Для этого сегодня используется и вся мощь давно наработанных форм коммуникации – пропаганды и контрпропаганды, рекламы, маркетинга и PR-комму-

никации и диджитал цифровых средств, т. е. всего того, что связано с электронными вычислениями и преобразованием данных: гаджетами, электронными устройствами, технологиями, программами.

Политическая коммуникация в прокси-войнах отличается своей экстремальной изворотливостью, в нее постоянно попадают фейки, ложь, специально сконструированные постановочные действия. По сути, это информационное насилие ведется в двух направлениях: содержательном и технологическом. Одна из ее задач в прокси-войнах – скомпрометировать противника не только в глазах населения этой страны, но и всей мировой общественности, надломить веру военнослужащих противной стороны в справедливости их действий. Ее цель – обмануть контрагента, победить его морально и психологически. Для этого используются самые современные приемы: запрет на распространения нежелательной информации, искажение фактов, применение «двойных стандартов», формирование необходимого эмоционального восприятия событий о противнике. Одновременно ведется технологическая кибервойна: блокируются неугодные каналы коммуникации, запускаются вирусы, на сайты общественных организаций противника вывешиваются оскорбительные суждения и призывы.

У прокси-войн нет никаких правил в отличие от уже известных традиционных войн, где действуют некоторые договоры: ненападения на поезда и обозы во время вывоза раненых, если есть эмблемы Красного креста или Красного полумесяца [5], запрет на убийство журналистов без оружия (не комбатантов), но с обозначением СМИ на бронезилете. Статья 79 Первого Дополнительного протокола Женевской конвенции, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года [6] устанавливает, что журналисты имеют те же права и ту же степень защиты, что и мирные жители во время международных вооруженных конфликтов, и т. д. В прокси-войнах в Сирии было убито 19 журналистов, в Афганистане – 10, в Ираке – 7, в Йемене – 5 и на Донбассе погибло 5 журналистов [7].

Может быть, стоит с участием международной общественности сформулировать определенные правила ограничения фейковой политической коммуникации в таких войнах (пример «Белых касок», ситуации в Буче). По сути, в широком смысле речь идет о культуре войны, если человечество так и не научилось ее избегать. В узком – о нормах политической коммуникации во время таких столкновений. Примером подобного рассмотрения жестокого насилия со стороны международной общественности может служить «Расселовский трибунал». Трибунал призвал к активным действиям, способным остановить военные преступления и геноцид, совершаемые на глазах цивилизованного человечества [8].

Проблема ограничения насилия, включая контроль за политической коммуникацией, не новая. Как подчеркивалось, она волнует человечество еще с древних времен. Позиции в этом вопросе имеют большой диапазон: от абсолютного пацифизма до пацифизма, использующего определенные формы борьбы с насилием, от попыток разрешать конфликты путем арбитража до создания международных организаций, от широких миротворческих движений до дипломатической деятельности. Что касается политической коммуникации во время традиционной («легальной») войны, то ее антагонистические особенности весьма обстоятельно изложил еще в 1927 г. Гарольд Лассуэлл в работе «Техника пропаганды в мировой войне», ставшей классикой политической науки [9]. Правда, его не занимали правовые или этические ограничения политической коммуникации между воюющими государствами

и их союзниками. Его задачей было исследование пропагандистских и контрпропагандистских приёмов представления позиций воюющих сторон.

Обозначим несколько проблем политической коммуникации во время прокси-войн с нелегальным участием третьей стороны. Для этого обратим внимание на два теоретических подхода к понятию «политического»: либо мы понимаем «политическое» как жестокий антагонизм, войну [10], либо – как соперничество, агонизм [11, с. 88–102]. Либо «мы-они» – враги, когда взгляды обеих сторон не имеют ничего общего, либо «мы-они» – соперники, когда оба согласны, что нет рационального решения их конфликта, но при этом каждый признает легитимность другой стороны и ее интересы. Этот подход как раз и стал основой для концепции «умной силы» Ная, основанной на коммуникативном продвижении положительного образа своей страны. Полагалось, что преимущественно она использовалась не в условиях реальной войны. Но как показывают события прокси-войны, третье государство пользуется этой стратегией, активно вмешиваясь в войну, поддерживая одних и настаивая на том, что именно третья сила – США и страны НАТО – стоят на «правильной» стороне и позиционируют себя как исключительно борцов за мир во всем мире вопреки тем фактам, которые нам известны (Вьетнам, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и т. д.). На первый план в этой войне выходит идея нарушения психологической устойчивости противника, и в ход идет жесткая пропаганда – воздействие на умы и чувства воинов, гражданского населения и правительства враждебного государства. Активно используется ложь.

Главенствующая роль здесь принадлежит США, и обусловлено это двумя факторами: тем, что им сегодня принадлежит 85 % мировой информации, и тем, что, помимо желания ослабить Россию в ее стремлении перекроить геополитику и освободиться от диктата США, сделать мир многополюсным, у американцев появился новый ресурс – психологический. Согласно исследованиям Джорджтаунского университета, для общественного мнения страны «болевого порог» приемлемого числа потерь в военных действиях со времён Вьетнамской войны снизился более чем в 6 раз. Известно, что многие американцы выступали против участия в войне Севера и Юга во Вьетнаме и около 2 млн. людей покинули США, отказавшись воевать там на стороне вьетконговцев. В этом контексте «война чужими руками» становится для США всё более приемлемой. Необходим запрет на такого рода действия либо проведение независимого расследования и обнародование его результатов в ООН. Но и тут чувствуется диктат «умной силы» со стороны США и их сателлитов.

Исследователи выделяют «три эшелона» участия США в информационно-коммуникационной составляющей прокси-войны на Украине. В первом эшелоне находятся собственно украинские ресурсы, хотя и находящиеся под контролем внешних кураторов. В русле этого направления созданы информационные войска Украины с массовым привлечением добровольцев из числа молодежи, разделявшей взгляды радикального украинского национализма. Во втором эшелоне находятся специальные структуры пропагандистско-агитационного плана, финансируемые и управляемые НАТО. К ним можно отнести Центр передового опыта НАТО в области стратегической пропаганды (Рига и др.), занимающийся обобщением опыта ведения гибридной войны. В третьем эшелоне находится собственно Государственный департамент США, действующий через акции посольства в Киеве и посредством вещания таких внешнеполитических ресурсов, как «Голос Америки», «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» [12, с. 171; 13, с. 253].

Постоянно обсуждается вопрос о качественной, т. е. объективной журналистике в зонах боевых действий. От того, какую позицию займут представители СМИ по отношению к вооруженному конфликту, как будут его освещать, в значительной мере зависит исход данного конфликта. Можно выделить три основных позиции: 1) непредвзятое и объективное информирование исключительно с гуманистических, общечеловеческих позиций; 2) информирование о событиях, сочетающееся с поддержкой военных усилий своей страны; 3) информирование о событиях, сочетающееся с поддержкой военных усилий противника.

В результате СМИ могут способствовать разжиганию вооруженного конфликта, совершению геноцида и преступлений против человечности, но могут сообщать факты, рисуя более реалистическую картину происходящего. После ряда террористических актов, совершенных против России, и ее ответного удара по ряду важных хозяйственных точек даже в жёлтом вестнике Британии Daily Mail воспроизвели слова российского президента, перечислившего преступления против РФ: теракт на Крымском мосту, бомбардировка Киевом одной из собственных атомных станций, которую взяли под охрану российские военные, атака на газовые трубы («Турецкий поток») и убийства пророссийских чиновников и журналистов, совершённые спецслужбами Украины.

Журналисты имеют право защищать интересы своей страны в СМИ. Такая позиция также должна признаваться возможной, если не используются фейки и ложь, противоречащие профессиональной этике. Что касается третьей упомянутой позиции, то есть, по сути дела, идеологической поддержке противника, здесь уже нельзя говорить об этичности, моральной допустимости и т. п. Пример – американский медиамагнат У. Р. Херст, который служил интересам нацистской Германии в годы Второй мировой войны, получал от нацистской партии миллионы марок в год за то, что его печать вела кампанию в пользу фашистских государств [14].

Порой объективные обстоятельства, такие как жесткие условия аккредитации представителей прессы, установленные военным командованием, делают затруднительным освещение конфликта именно с тех позиций, которые обусловлены профессиональной культурой и совестью журналиста. Так, возможности для объективного, непредвзятого освещения войны в Ираке в 2003 г. для представителей СМИ были в большинстве случаев сильно ограничены американским военным командованием. В выпуске новостей по «Первому каналу» 23 марта 2003 г. российская журналистка продемонстрировала аккредитационное удостоверение, дающее право работать в расположении американских частей и сказала, что оно «выдается в обмен на то, что журналисты не будут показывать ничего недозволенного и высказывать версии, расходящиеся с официальными версиями американских военных властей».

Словом, обсуждение содержания «культуры войны» в политической коммуникации и позиции журналистов в военных столкновениях, в современных прокси-войнах продолжается.

Журналисты не должны концентрировать свое внимание только на боевых действиях, не освещая сопутствующие им гуманитарные проблемы и деятельность по решению этих проблем. В этом случае информационная картина событий, конечно же, будет неполной.

Еще одна проблема – убийство журналистов, занимающих другую позицию, чем США и НАТО. Убийство известного писателя и журналиста Олеса Бузины на Украине стало актом физического устранения сильного идеологического противника.

Никто так и не понёс ответственности за совершённое преступление. А задержанные по горячим следам исполнители – неонацисты и участники «АТО» Медведько и Полищук были вскоре отпущены на свободу. В связи с гибелью российских журналистов Игоря Корнелюка и Антона Волошина в результате минометного обстрела в России судили захваченную летчицу украинской армии Надежду Савченко за то, что она отдала приказ о нанесении удара. Она была осуждена и впоследствии освобождена в результате обмена пленными с Украиной.

По состоянию на 30 мая 2022 года, начиная с 2014-го, по меньшей мере 15 гражданских журналистов и работников СМИ из разных стран были убиты на Украине при исполнении служебных обязанностей. И все это происходит, несмотря на то, что статус и защита журналистов в зонах вооруженных конфликтов регулируются положением международного гуманитарного права (права войны) и другими юридическими документами.

Журналист, который освещает вооруженные конфликты, должен действовать в соответствии с нормами международных конвенций гуманитарного права, к которым присоединилось его государство. К сожалению, пока это обязательство подписали правительства лишь шести стран и руководство девяти национальных обществ Красного Креста и Красного полумесяца. Существует разница между «военными корреспондентами» (статья 4А (4) Третьей Женевской конвенции [15] и просто «журналистами» (статья 79 Дополнительного протокола I [16; 18]). И те, и другие относятся к категории мирных граждан, но только военные корреспонденты могут получить статус военнопленных. Они имеют право сопровождать вооруженные силы и, попадая в плен, получают такой же правовой статус, как и участники вооруженных сил. По этой причине военные корреспонденты пользуются защитой Женевской конвенции, что предусмотрено Дополнительным протоколом I и международным гуманитарным правом [17].

С 1990 года Международный союз журналистов публикует ежегодный отчет («Список погибших»), где документируются все случаи гибели журналистов и сотрудников СМИ в течение каждого года. Он использует эту информацию для кампании за повышение безопасности журналистов, особенно местных и внештатных репортеров и вспомогательного персонала, которым не хватает ресурсов для самозащиты в зонах конфликтов. По данным мониторинга ЮНЕСКО, в мире около 75 % убийств журналистов произошло в ходе выполнения ими профессиональных обязанностей в зонах военных конфликтов.

Выступая на Генеральной ассамблее ООН 21 сентября 2017 года, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров призвал «сказать «нет» милитаризации информационного пространства. Нельзя допустить его превращения в арену военно-политического противоборства, использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как инструмента давления, нанесения экономического ущерба, пропаганды идей террористической и экстремистской идеологии» [19]. К этому трудно что-то добавить. Очевидно, что скрупулезная работа над обсуждением и созданием этических и правовых норм коммуникации в рамках «культуры мира-культуры войны» должна продолжаться.

Ссылки

1. Най С. Дж. (младший). Будущее власти: пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 444 с.

2. Конспекты по международному гуманитарному праву и СМИ. URL: https://www.studmed.ru/view/konspekty-po-mezhdunarodnomu-gumanitarному-pravu-i-smi_9e59ca997f5.html?page=10 (дата обращения: 10.11.2022).
3. Шерман С. Информационные войны (кибервойны) // Gazeta.ru. 06.08.1999. URL: https://gazeta.lenta.ru/dossier/06-08-1999_infowar.htm (дата обращения: 03.11.2022).
4. Libicki Martin C. What Is Information Warfare? Strategic Forum Number 28, May 1995. URL: http://www.dodccrp.org/files/Libicki_What_Is.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
5. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901037> (дата обращения: 09.10.2022).
6. Женевская конвенция, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 09.10.2022).
7. Памятка будущему военному корреспонденту // Военно-политический журнал Владимира Орлова. 03.09.2020. URL: <https://soldier-moskva.livejournal.com/478884.html> (дата обращения: 02.10.2022).
8. Международный трибунал по расследованию военных преступлений во Вьетнаме // РИА «Новости». 02.05.2017. URL <https://ria.ru/20170502/1493318726.html> (дата обращения: 19.10.2022).
9. Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне / Пер. с англ. ИНИОН РАН. М., 2021. 237 с.
10. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем., под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
11. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. 2008. Вып. 1. С.88–102.
12. Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Крылья хаоса. Массмедиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Икар, 2018. 352 с.
13. Лабуш Н. С., Пую А. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 340 с.
14. Чемякин Ю. В. Международное гуманитарное право и СМИ. Конспект лекций. URL: <https://studfile.net/preview/9223980/> (дата обращения: 02.11.2022).
15. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения: 02.11.2022).
16. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол 1) от 08.06.77 // Законодательная база Российской Федерации. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/398150> (дата обращения: 02.11.2022).
17. Как международное право защищает журналистов в ситуациях международных конфликтов? // Международный комитет Красного креста. 27.07.2010. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/interview/protection-journalists-interview-270710.htm> (дата обращения: 09.10.2022).
18. Статья 79 Первого Дополнительного протокола Женевской конвенции, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 09.10.2022).
19. Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на 72-й сессии ГА ООН. Нью-Йорк. 21 сентября 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21.09.2017. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1553392/ (дата обращения: 10.10.2022).